

ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ДОВОЕННОЙ ЛАТВИИ: ЕВРЕИ НА РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСАХ В РИГЕ (1921—1937)

На черном дне реки забвенья...

Игорь Чиннов

Мне не раз доводилось писать о Русских университетских курсах в Риге¹. В истории их открытия 16 октября 1921 г. кроется интрига, которую трудно разгадать, не зная всех подробностей, не имея архивных свидетельств. Это по-своему уникальное для прибалтийских государств гуманитарное учебное заведение, поддерживавшее образовательный ценз русскоязычного населения Латвии, Литвы и Эстонии², было создано усилиями эмигрантов из России. Ведь формирование территории независимого Латвийского государства, включавшей южную часть Лифляндской и Курляндскую губернию, а также некоторые земли Витебской и Псковской губерний, не могло не сказаться на его этническом составе. Помимо латышей, в этническом составе Латвии довольно большой удельный вес принадлежал русскому населению, внутри которого следует выделить многочисленную этнорегионозную и культурную группу старообрядцев, и еврейскому населению из бывших городов и местечек Витебской губернии — Двинска (ныне Даугавпилс), Креславки (Краславы), Люцина (Лудзы) и др. Перекройка территории бывшей Российской империи сказалась на судьбах русских и евреев с присоединенных к Латвии территорий, фактически оставшихся без возможности получения высшего образования. Проводившаяся политика латышизации всей системы образования, особенно в 30-е гг., несомненно, дала бы свои плоды, и выпускники средних учебных заведений из русских и еврейских семей могли бы продолжать свое образование на латышском языке. Однако в 20-е гг. русско-еврейское учебное заведение — Русские университетские курсы (РУК) — стало единственным прибежищем на ниве образования для небогатой молодежи из Риге и Латгалии³, предпочитавшей обучаться в столице на русском языке.

Так в чем же заключается интрига открытия РУК, которую я неожиданно для себя обнаружила? Во-первых, она скрыта во взаимоотношениях в среде российской эмиграции, обосновавшейся в самом начале 1920-х гг. в Латвии; во-вторых, в сложности взаимоотношений создателя и ректора курсов Константина Ивановича Арабажина и редакции газеты «Сегодня»⁴.

Приезд профессора К. И. Арабажина в Ригу начался с его плодотворного сотрудничества в редакции газеты «Сегодня». И вдруг в конце зимы — начале весны 1921 г. разразился «шпионский» скандал! Номера газеты «Сегодня» пестрели обвинительными статьями в адрес Арабажина. Ему были брошены тяжкие обвинения в связи с контрразведкой Юденича или Врангеля. В свою очередь, Арабажин фактически не имел возможности защитить себя в печати, объяснить свою

Автор выражает благодарность за консультации при подготовке статьи сотрудникам Латвийского государственного исторического архива Риге Богдановой и Елене Половцевой. Поступило сверх программы конференции.

позицию. Последовал суд чести. На стороне К. И. Арабажина были М. Д. Вайнтроб⁵ и М. Я. Лазерсон⁶. Все кончилось бурным разрывом Константина Ивановича с редакцией газеты «Сегодня», с Русским обществом в Латвии. Конфликт зашел столь далеко и был настолько глубок, что это популярное во всем русском зарубежье издание с весны 1921 г. до июля 1929 г. обходило молчанием плодотворную деятельность К. И. Арабажина на ниве русского образования в Латвии. Исключением в этом упорном молчании была публикация одной уникальной фотографии, помещенной в газете в связи с пятилетним юбилеем РУК, запечатлевшей многих преподавателей этого учебного заведения. И как запоздалые извинения смотрелись июльские статьи в газете «Сегодня» за 1929 г., содержавшие сведения о состоянии здоровья, а затем и о смерти профессора. Можно только гадать, как сложилась бы жизнь К. И. Арабажина, не будь этого бурного разрыва.

Здание в Риге, по ул. Бривибас, 72, где когда-то размещались Русские университетские курсы

Группа профессоров, преподавателей и гостей на торжестве по случаю 5-летия Русских университетских курсов. В первом ряду (слева направо): г-жи Гегелло, Грибовская, гг. Вайнтроб, Арабажин, Кохановский, Синайский, Грузенберг, Лазерсон; во втором ряду: гг. Эрн (1), Тихоницкий (2), Садовский (3), Буховский (4), Богданов-Бельский (6), Гаман (7), Диль (8); в третьем ряду: г-да Вейдеман (1), Стародубский (3), Переферкович (4), Гензель (5), Новоселов (6), Матвеев (7), Гутман (8). (Фото из газеты «Сегодня», 1926 г.)

Да и здание, в котором располагались РУК, определенно могло бы стать объектом отдельного культурологического анализа в контексте как архитектурных особенностей, так и человеческого фактора — судьбы его владельцев, обитателей и, наконец, в контексте истории учебных заведений, располагавшихся в нем на протяжении XX столетия⁷. Почти десять лет курсы размещались в помещении гимназии Э. Залеман на улице Бривибас, 38 (по современной нумерации, Бривибас, 72).

Исследовать судьбы людей, связанных с РУК, осмыслить их вклад в общекультурный фонд Латвии на протяжении долгих лет меня подталкивала уже упоминавшаяся выше фотография из вечернего выпуска газеты «Сегодня» за 1926 г. О многих, кто запечатлен на ней, мне уже удалось написать⁸. О других же, как, например, о петербуржце Науме Абрамовиче Переферковиче⁹, преподававшем на курсах историю религии, историю Востока, дважды за свою жизнь обвиненном как светским, так и религиозным судом (в безбожии), еще только предстоит собирать материал в Латвийском государственном историческом архиве.

«Арабажинские курсы»

В начале сентября 1920 г. в Ригу прибыл, как сообщала газета «Сегодня», «известный русский ученый и политический деятель, профессор Константин Иванович Арабажин, один из лучших знатоков русской литературы». В воскресенье 12 сентября в помещении «Улей» (Б. Королевская, 1) состоялась его лекция под названием «Трагедия вишневого сада».

К. И. Арабажин происходил из семьи дворян, помещиков Киевской губернии, и по материнской линии приходился двоюродным братом Андрею Белому — известному писателю Серебряного века русской культуры. Он окончил университет Святого князя Владимира в Киеве, в котором был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре славяноведения. В 1891 г. К. И. Арабажин переехал в Петербург, где преподавал в Пажеском корпусе, Павловском военном училище, на Императорских драматических курсах. Кроме того, он написал много книг и статей, посвященных русской литературе и театру. К. И. Арабажина, обладавшего особым ораторским даром и вкусом к публичным выступлениям, Петербург и многие города России хорошо

Преподаватели и слушатели Русских университетских курсов (1924/25 учебный год). В центре К. И. Арабажин и М. Д. Вайнтроб (слева)

знали как блистательного лектора. Может быть, успех публичных выступлений побудил Арабажина к созданию первого в Петербурге Народного университета. С 1913 г. Константин Иванович жил в Гельсингфорсе (Хельсинки), куда был приглашен в качестве ординарного профессора на кафедру русской литературы.

Исторические катаклизмы, потрясшие

все пространство Российской империи, побудили К. И. Арабажина выехать из Финляндии и поселиться в Риге, что он и сделал в самом начале 20-х гг. Вскоре профессор был приглашен в Латвийский университет для чтения лекций по истории русской литературы, читал лекции в Латышском народном университете, в Народном университете Русского общества в Латвии, в Еврейской народной консерватории. Но главным его делом стало создание Русских университетских курсов.

Во главе инициативной группы по созданию нового высшего учебного заведения стояли профессор К. И. Арабажин, бывший приват-доцент Московского университета М. Д. Вайнтроб, художник-академик Н. П. Богданов-Бельский, приват-доцент Петербургского университета М. Я. Лазерсон, Г. И. Тупицин, профессор В. М. Грибовский, Гольдштейн (к сожалению, ни инициалы, ни род занятий этого человека мне не удалось выяснить). Но только М. Д. Вайнтроб все годы существования созданного учебного заведения оставался верен ему до конца. Хотя К. И. Арабажин не был, как думали многие, содержанием или спонсором РУК, однако он фактически держал в своих руках все: был ректором РУК, председателем правления, деканом педагогического отделения, контролировал финансовое положение учебного заведения, что и создавало в итоге определенную стабильность.

16 октября 1921 г. в Доме Черноголовых состоялось торжественное открытие курсов. На этом мероприятии присутствовали представители латышской, русской, немецкой и еврейской интеллигенции. Демократический дух законов молодого Латвийского государства позволил создать новое учебное заведение, сплотившее на первых порах российскую научную интеллигенцию, в основном прибывшую в Латвию после образования здесь независимой республики. В основу деятельности Русских университетских курсов были положены интересы русскоговорящих меньшинств Латвии — русских и евреев (главным образом из Латгалии), которые должны были войти в живую «культурную связь на почве общегосударственной». Это означало, что «здоровый деловой строй жизни латышского народа, его государственный, политический порядок, созданный усилиями всех народностей, населяющих Латвию, обязывали ее граждан проникнуться интересами республики» и совместными усилиями создать «прочное мирное сожительство всех национальностей»¹⁰.

Интересно отметить, что для поддержания престижности диплома, для того чтобы он мог использоваться и за пределами Латвии и, может быть, в самой России, программы РУК ориентировались на программы Латвийского университета, а также на программы Петербургского психоневрологического института и на программы пяти высших учебных заведений, созданных русскими профессорами в Праге.

По замыслу К. И. Арабажина, на первых порах были созданы четыре факультета: историко-филологический, юридический, естественный и педагогический. Но слабая материальная база вынудила руководство курсов отказаться от факультета естественных наук. Ставка была сделана на гуманитарное образование. В одной из брошюр, посвященной истории РУК, читаем: «Необходимо, чтобы русское население при своей неграмотности не оставалось обузой — тяжелым камнем на тонком слое еще не окрепшей культуры. Есть еще люди науки и просвещения — гуманитарные науки не требуют лабораторий, кабинетов с громадными денежными затратами. Вот почему русское меньшинство должно держаться высшего гуманитарного образования. Без него невозможны и средняя, и основная»¹¹ школа»¹².

Жизнь вносила свои коррективы: так, вместо естественнонаучного факультета был создан коммерческий, или экономический, факультет. 5 января 1924 г. администрация РУК получила уведомление о том, что Кабинет министров Латвии принял

постановление, согласно которому закон о меньшинственных школах не давал права на открытие частного высшего учебного заведения, для чего был необходим специальный закон. Поэтому к началу следующего учебного года РУК предлагалось закрыть или внести в устав существенные коррективы. Иначе говоря, руководство РУК поставило перед необходимостью преобразовать учебное заведение в народный университет¹³. Несомненно, это понижало статус учебного заведения, но одновременно такое изменение в уставе РУК вносило и положительные моменты: Кабинет министров фактически подтверждал свою финансовую поддержку «Арабажинских курсов»¹⁴.

Для материальной и моральной поддержки молодого учебного заведения был создан правление РУК. В него вошли представители многих национальных организаций Латвии (в частности, Союз русских учителей Латвии), депутаты Сейма, известные педагоги, руководители национальных отделов Министерства просвещения. К. И. Арабажин добился и того, чтобы просветительная комиссия Сейма Латвии способствовала выделению пособий для РУК¹⁵. В более благоприятной экономической атмосфере 1920-х гг. деньги в учебное заведение поступали еще и от Рижской городской думы и Фонда культуры Латвии.

Поначалу плата за обучение не была одинаковой для всех факультетов, дешевле было обучаться на педагогическом отделении, готовившем учителей для русских основных школ Латвии. Согласно расценкам на 8 апреля 1929 г., обучение на педагогическом отделении стоило 130 латов в год, на юридическом — 140, на экономическом — 160, на историко-филологическом — 150 латов в год¹⁶. К началу 30-х гг. сумма, ежегодно вносившаяся студентами, составляла 150 латов. Архив РУК располагает также уникальными свидетельствами — прошениями студентов. И надо отдать должное руководству курсов и их жертвователям, которые практически все годы существования этого учебного заведения шли навстречу молодежи. После определенной процедуры изучения материального положения семьи студента руководство учебного заведения определяло размер скидки студенту на оплату семестра. В архиве можно найти не одно дело с прошениями студентов об освобождении от платы за учебу или об уменьшении ее размера. Приведу типичное студенческое прошение.

Рига, 23 января 1934 г.

Обществу содействия Академическому образованию

Прошение

от студентки коммерческо-экономического отделения
Ривы Гуревич,
проживающей по Ключевой улице, 23а/6

Прошу освободить меня от платы за второй семестр, т[ак] к[ак] не имею никакой возможности внести требуемых денег. Я все время не имею занятий. Материальное положение моих родителей ухудшается с каждым днем. <...>

Прошу войти в мое тяжелое материальное положение и найти возможным временно освободить меня от платы за учебу.

Рива Гуревич

(В прошлом году Ls 40,— за сем[естр]

В 1[-м] сем[естре] Ls 30,—)

(На заседании правления 9.02.34

постановили плату сохранить Ls 30,— за семестр. *Н. Понов.*)¹⁷

Срок обучения на РУК в 20-е гг. составлял от двух лет на педагогическом отделении до четырех на экономическом, историко-филологическом и юридическом факультетах. Студенты РУК в основном были заняты днем на своих рабочих местах, но занятия проводились ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, с 17 часов 25 минут до 22 часов вечера. В 30-е гг. срок обучения сократился до трех лет.

Что касается количества студентов, прошедших обучение на РУК, то в 1923/24 учебном году там учились 55 студентов, в 1925/26 — 47¹⁸. Однако уже в 1927/28 учебном году на курсах занимались 80 человек (с учетом вольнослушателей)¹⁹. На излете так называемого арабажинского периода в истории РУК, в 1928/29 учебном году на них обучались 94 человека, из них 10 латышей, 54 русских, 3 поляка, 25 евреев и 2 представителя других национальностей; по религиозной принадлежности: 56 православных, 3 католика, 9 лютеран, 24 иудея, 2 человека прочих вероисповеданий; по возрасту: 17—20 лет — 22 человека, 21—25 лет — 42 человека, 26—30 лет — 28 человек, 36—40 лет — 2 человека, 41—45 лет — 1 человек²⁰.

В те годы весьма популярны были и такие формы сбора пожертвований, как организация публичных лекций профессорско-преподавательского состава, проведение благотворительных вечеров и лотерей²¹. И все же главное, за счет чего содержались курсы все годы существования, — это подвижничество всего профессорско-преподавательского состава, который получал за свою работу только пятую часть гонорара²². Этими людьми двигали великий энтузиазм и преданность высоким идеалам российской науки.

К. И. Арабажин настаивал на том, что созданное им заведение должно стать и учебным сообществом, и народным университетом, что действительно способствовало бы просвещению в среде русской эмиграции, утоляло бы жажду духовного общения, тоску по утраченной родине.

Тема трагичности брэнного человеческого бытия, заданная Арабажиным на первой публичной лекции в Риге, увы, неминуемо материализовалась и в его личной жизни. Переходя набережную Даугавы, профессор по рассеянности угодил под трамвай. 13 июля 1929 г. на скромной койке Рижской первой городской больницы от полученных тяжелых травм его жизненный путь прервался.

В траурной процессии от кафедрального Христорождественского собора к Покровскому кладбищу, как сообщала газета «Сегодня», шли его близкие друзья: О. О. Грузенберг²³, М. Д. Вайнтроб, Н. А. Переферкович, В. И. Синайский, А. А. Круглевский и др.²⁴ Траурная процессия специально задержалась на ул Бривибас, 38, у здания РУК.

На центральной аллее рижского Покровского кладбища возле помпезного захоронения семейства банкира Г. И. Гусева покоится в скромной могиле прах Константина Ивановича Арабажина (2.01.1865—13.07.1929) — профессора Гельсингфорского (Хельсинского) университета. Об этом можно прочитать во многих энциклопедических изданиях. Но в историю русской культуры, русского образования в Латвии К. И. Арабажин вошел как создатель и многолетний ректор первого частного высшего учебного заведения Латвии — рижских Русских университетских курсов, некогда известных под красивым названием «Арабажинские курсы». Эти курсы существовали в Риге и после смерти их создателя, но только с его смертью закрылось его любимое отделение — педагогическое. И это была уже иная история Русских университетских курсов, которые вскоре были переименованы в Русский институт университетских знаний (РИУЗ).

Как свидетельствуют архивные документы, 2 августа, а затем 16 августа 1929 г. состоялись совещания сотрудников РУК. Было принято решение, что ведать делами курсов до созыва совета профессоров будет правление в лице председателя С. В. Михайлова, казначая Н. Ю. Вестермана, секретаря М. М. Бегрова. Встали и вопросы о перерегистрации РУК, о новом уставе учебного заведения²⁵. Среди профессоров то ли не было яркого лидера, подобного К. И. Арабажину, совмещавшему несколько ответственных должностей, то ли заботы о курсах были слишком хлопотны и обременительны, тем не менее это сказалось в образовании усложненной административной структуры. Уже в конце сентября было решено создать специальное Общество содействия академическому образованию, которое стояло бы над курсами, добывало бы деньги для них, да и для собственного содержания. В известной мере это привело к росту административного аппарата и удорожанию содержания учебного заведения. Долго тянулся вопрос о назначении ректора. Только в мае 1931 г. в качестве исполняющего обязанности на эту должность был назначен инженер Н. И. Попов, фигура, наверное, удобная для С. В. Михайлова. Это назначение сопровождалось скандалом и уходом из учебного заведения профессора А. К. Глейэ. Н. И. Попов и С. В. Михайлов оставались на своих постах до конца существования Общества содействия академическому образованию и РИУЗ.

Торжественное открытие РИУЗ состоялось 11 октября 1930 г. Было высказано много воодушевленных, полных надежд на процветание учебного заведения речей. Говорилось, что за пределами родины представители российской академической науки должны достойно продолжать ее лучшие традиции в стенах воссозданного учебного заведения и т.д. Для полноценной студенческой жизни в декабре 1930 г. было создано студенческое общество "*Fraternitas Rossica*" («Русское братство»),

Участники бала в Русском институте университетских знаний. Начало 30-х гг.

закрывшееся осенью 1939 г. Скромная папка с официальными документами этого общества по сей день хранится в ЛГИА. В ней можно встретить уже знакомые имена Б. Дьяконова, Г. Ашмана, Н. Плюханова, А. Озолса²⁶.

Экономический кризис 1930-х гг. не миновал Латвию и, естественно, коснулся института. Иссякли источники, поддерживавшие РИУЗ, резко изменилась структура получения средств: просветительная комиссия Сейма еще несколько лет выделяла не в полном объеме средства для учебного заведения²⁷, но помощь от Рижской думы и Фонда культуры уже не приходила. Ставка делалась на частные пожертвования. Особенной щедростью отличался фабрикант Самуил Абрамович Майкапар, неоднократно жертвовавший на нужды учебного заведения²⁸.

Материальным подспорьем были и взносы членов Общества содействия академическому образованию, составлявшие 5 латов в год. Членами этого общества стали практически все известные сотрудники редакции газеты «Сегодня». Владелец и многие сотрудники страхового общества «Даугава» также стали членами этого общества²⁹. Еще были сборы от благотворительных вечеров, от публичных лекций преподавателей. Руководство учебного заведения активно поддерживало отношения с депутатами Сейма — православным архиепископом Иоанном Поммером, С. И. Трофимовым, Л. В. Шполянским. Необходимо было отчислять средства в больничную кассу латвийских учителей, пенсионный фонд, что значительно ухудшало материальное положение РИУЗ. По архивным данным, только долг в пенсионный фонд составил на 29 апреля 1935 г. 2561,06 лата³⁰.

В конце 1931 г. руководство Латвийского университета издало приказ, согласно которому сотрудникам запрещалось читать лекции вне стен университета. Несомненно, это решение сразу же нанесло большой ущерб Русскому институту, поскольку со стороны профессоров П. Косинского, А. Крулевского и В. Синайского, доцентов Ф. Гензеля, Ю. Форсмана и приват-доцента А. Карлсона этому учебному заведению теперь могла быть оказана только моральная поддержка³¹.

Нестабильность положения сказывалась во всем: адрес, увы, тоже не был постоянным. 17 июня 1931 г. РИУЗ переехал в новое помещение на ул. Антонияс, 13, в помещении гимназии Л. Тайловой, но, продержавшись в гимназии год, институт переехал в Старый город, на улицу Грецениеку, 28.

По данным на 1 декабря 1931 г., в РИУЗ обучалось 97 человек (41 студент на историко-филологическом факультете, 28 — на юридическом, 28 — на экономическом); на 1 декабря 1932 г. — 87 человек. За все годы существования этого уникального учебного заведения пик числа студентов пришелся на 1933/34 учебный год — в тот год обучалось 103 студента: 47 — на историко-филологическом, 25 — на юридическом, 31 — на экономическом³². На 1 декабря 1935 г. количество студентов и

Абрам Ицик

Арон Левин

Вульф Виппман

вольнслушателей составляло уже только 58 человек.

Думается, что шаткое, нестабильное материальное положение института в середине 30-гг. — далеко не единственная причина его закрытия. Доминирующей причиной стал авторитарный режим К. Ульманиса³³. Характерной чертой идеологии Латвийского государства в тот период было отношение к национальным меньшинствам, их культуре, как к «пыли в нашей истории», которую, как известно, аккуратная хозяйка должна стереть³⁴.

Итак, к осени 1936 г. реально встал вопрос о ликвидации учебного заведения, поскольку резко сокра-

тилось количество студентов³⁵. Даты ликвидации назначались не раз. В итоге закрытие было перенесено на осень 1937 г., поскольку в министерских коридорах решился вопрос о дипломах³⁶. Окончательно это событие — закрытие Русского института университетских знаний — имело место на излете 1937 г., окончившие институт (т.е. сдавшие экзамены и написавшие дипломную работу) получили дипломы. И уже из другого министерства — Министерства общественных дел 8 июня 1938 г. был получен приказ: ликвидировать Общество содействия академическому образованию, а затем последовала публикация в официальном издании “Valdības vēstnesis” («Правительственный вестник») за 7 июля 1938 г. (с. 8). Все это поставило окончательную точку в судьбе уникального учебного заведения, а также Общества содействия академическому образованию, зарегистрированного в Рижском окружном суде 30 ноября 1929 г.

Свидетельство о рождении слушателя Русских университетских курсов Вульфа Виппмана

В место заключения

Узел жизни, в котором мы узнаны.
Осун Мандельштам

В фонде Общества содействия академическому образованию мне удалось откопать не одну папку, в которой содержались личные документы (заявления, фотографии (некоторые из них здесь публикуются), свидетельства о рождении,

*обрезании и крещении, копии свидетельств об окончании гимназий и средних школ) студентов РУК и РИУЗ³⁷. В этих томах так много имен, которые, увы, мне ничего не говорили. Ведь нас разделили временная пропасть длиною в семь-восемь десятилетий, страшная война и *Холокост! Перечитывая не раз списки студентов и вольнослушателей, я встретила имя Евгения Климова, художника, учителя рисования в Рижской Ломоносовской гимназии, который в 20-х гг. был вольнослушателем РУК. Е. Климов оставил небольшое воспоминание о Марке Вайнтробе³⁸. Может быть, кому-то навеют воспоминания имена молодых людей из Риги, Либавы (Лиепай), Двинска (Даугавпилса), Краславы, Бауски, Яунлатгале (Пыталово) — Цили Израильсон, Вениамина Скутельского, Розы Берлин, Эммы Цимбал, Лисаноры Блюм, Рувина Цимкина, Доры Рапопорт, Геселя Левинсона, Зороха Диманта, Абрама Фейгина, Соломона Кивмана, Арона, Кейлы и Мириам Левиных, Леи Мельвидской, Бера Микельсона, Ципоры Ходаковой...

Только несколько имен побудили меня к поиску их родственников. Встреча с профессором Латвийского университета М. Ашманисом подтвердила мое предположение, что студент Георгий Ашман, окончивший РИУЗ практически бесплатно и получивший диплом юриста в 1937 г., — его отец. Профессор рассказал, что при советской власти диплом отца был признан Министерством просвещения как диплом, подтверждавший получение высшего образования. Георгий Ашман фактически не воспользовался дипломом и не работал юристом ни одного дня, а с 1938 г. трудился в «Турибе»³⁹ в качестве товароведа, а позднее стал председателем Латпотребсоюза. Известный в Риге учитель математики Э. М. Фалькенштейн поделилась воспоминаниями еще об одном студенте РИУЗ — Николае Дауговише⁴⁰, который был директором рижской школы № 26 и в конце 50-х гг. всячески помогал юной учительнице. Удалось выяснить, что в Риге и Олайне живут дети, внуки и правнуки студентки педагогического отделения Сары Копелович.

Впрочем, не знаю, как сложится дальнейшая судьба этой публикации. Может быть, мне придется продолжить поиск и поднять из реки забвения судьбы некоторых студентов «Арабажских курсов».

Йосиф Гольд

Уриель Рошаль-Решаль

Залман Пекман

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Ковальчук С. Из истории Русских университетских курсов // Наука и мы. 1990. № 11. С. 18—20; Она же. Природа знать не знает о былом // СМ-сегодня. 1994. 13 июля.
- ² В Латвийском государственном историческом архиве (далее — ЛГИА), в фонде, в котором хранятся дела Русских университетских курсов, мне не раз приходилось читать письма и заявления от молодых людей из Эстонии и Литвы. Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что в Таллине Русской академической группой в 1922 г. были открыты Русские высшие политехнические курсы с двумя отделениями (механическим и инженерно-строительным). Это высшее учебное заведение — кстати, единственное русскоязычное — смогло при всех трудностях быть конкурентоспособным все годы существования независимого Эстонского государства и просуществовало до 1940 г. Подробнее об этом см.: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918—1940) / Под ред. С. Г. Исакова. Тарту; С.-Петербург, 2001.
- ³ См. прим. 33 на с. 135.
- ⁴ См. прим. 1 на с. 133.
- ⁵ См. прим. 13 на с. 134.
- ⁶ См. прим. 14 на с. 134.
- ⁷ Сразу же после войны в помещении гимназии располагался родильный дом, затем рижская 7-я школа, в которой учились преимущественно еврейские дети. Затем в этих помещениях располагались железнодорожная детская поликлиника, педагогическое училище; в настоящее время здание занимает Рижская высшая школа педагогики и руководства образованием (*Rīgas pedagogijas un izglītības vadības augstskola*).
- ⁸ Об А. В. Вейдемане см. в кн.: Ковальчук С. «Взыскую Истину...»: (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман. Середина XIX — середина XX в.). Рига, 1998; о В. И. Синайском — в ст.: Ковальчук С. Истинный путь — путь общечеловека // Наука и мы. 1990. № 8. С. 8—10; После словие // Синайский В. И. Жизнь и человек. Рига, 1992. С. 126—130; о М. Д. Вайнтробе и М. Я. Лазерсоне — в ст.: Ковальчук С. Еврейская философия в Латвии в 20—30-х годах: М. Лазерсон, М. Вайнтроб, М. Шац-Анин // Евреи в меняющемся мире: Материалы 1-й Междунар. конф., Рига, 28—29 авг. 1995 г. Рига, 1996. С. 92—98; *Kovalchuk S. Jewish philosophy in Latvia in the 20s—30s: M. Vaintrob, M. Lazerson, M. Shats-Anin // Jews in a changing world: Materials of the 1st Intern. Conf., Riga, Aug. 28—29, 1995. Riga, 1997. P. 84—89; Ковальчук С. Романтическая душа Марка Вайнтроба // Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф., Рига, 25—27 авг. 1997 г. Рига, 1998. С. 113—121; Пухляк О. Проблема национального самосознания в трудах Марка Вайнтроба // Там же. С. 164—169; Ковальчук С. Отражение идеалов американской демократии в трудах Макса Лазерсона // Там же. С. 390—393; об О. О. Грузенберге — в ст.: Ковальчук С. Судьба журнала «Закон и Суд» (1929—1938) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. 4. С. 88—103; Она же. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 486—494.*
- ⁹ См. прим. 11 на с. 133.
- ¹⁰ Русские университетские курсы: Юбил. сб., 1921—1926. Рига, 1926. Вып. 2. С. 6. Далее в этой небольшой брошюре указывается, что в учебные планы РУК были внесены латышский язык, история, география и основы государственного строя Латвии.
- ¹¹ См. прим. 6 на с. 133.
- ¹² Русские университетские курсы: Юбил. сб. С. 8.
- ¹³ ЛГИА, ф. 5901, оп. 1, д. 19, л. 63.
- ¹⁴ Там же, д. 36, л. 14. На указанном листе можно прочесть копию письма, направленного 7 октября 1926 г. в просветительную комиссию при рижской городской управе, в котором содержится просьба о пособии и при этом подчеркивается, что РУК «работают на правах как народный университет и как высшие научные курсы» для нужд и просвещения «трудовых слоев и малоимущих граждан».
- ¹⁵ Русские университетские курсы. С. 20. Просветительная комиссия Сейма, по данным за 1926 г., четыре учебных года выделяла финансирование для РУК. Первоначальное пособие составило 2000 латов в год, в 1925/26 учебном году — 7000 латов, а в 1926/27 учебном году — 5000 латов.

¹⁶ЛГИА, ф. 5901, оп. 1, д. 38, л. 16.

¹⁷ Там же, д. 28, л. 31. См. также другие дела это фонда, в которых можно найти немало прошений от студентов разных национальностей о снижении платы за обучения, чьи просьбы были удовлетворены (д. 18, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34 (в д. 4 на л. 30 представлен список студентов, освобожденных частично или полностью от платы в первом семестре 1931/32 учебного года, — всего 33 человека; во втором семестре были полностью освобождены от платы 13 человек — см. л. 49).

¹⁸ Там же, д. 35, л. 36. На л. 173 содержится сведения за 1925/26 учебный год, согласно которым на РУК обучалось: 68 % русских, 15 % поляков, 12 % евреев; по факультетам студенты распределялись следующим образом: будущих педагогов обучалось 15, юристов — 12, историко-филологический факультет посещали 20 человек. Всего на РУК в том году работали 27 преподавателей: из них 15 профессоров и 12 лекторов.

¹⁹ Там же, д. 36, л. 37 (на этом листе сохранились сведения о количестве студентов на 1 февраля 1927 г.: всего было 57 человек, а на листе 84 — о количестве студентов на 1 декабря 1927 г.: юридический факультет — 24 человека, экономический — 18, историко-филологический — 17, педагогический — 10, вольнослушателей — 11 человек).

²⁰ Там же, д. 38, л. 2—3. В этом деле л. 51 и 54 содержат такие интересные документы, как Устав русских университетских курсов и копия письма К. И. Арабажина, прилагавшегося к уставу при его направлении начальнику русского отдела Министерства просвещения; на л. 4 — сведения о преподавателях на 19 июня 1929 г. (всего в списке значатся 27 человек, кроме уже упомянутых в статье, — лектор Ф. А. Циммерман, лектор К. И. Чаксте, приват-доцент Т. П. Целмс, приват-доцент Ф. Д. Гензель, доцент В. И. Буковский, проф. Н. И. Кохановский, проф. Ю. Ю. Форсман, проф. П. М. Минц, инженер Н. Ю. Вестерман, проф. А. М. Кангер и др.); на л. 6 — копия письма в Фонд культуры — отчет об израсходованных деньгах в размере 3000 латов; на л. 5 — копия заявления К. И. Арабажина за № 925 от 14 июня 1929 г., направленного в русский отдел Министерства просвещения, в котором раскрываются детали событий, предшествовавших трагедии, случившейся на набережной Даугавы: «Считаю долгом довести до Вашего сведения, что я заболел сильными нервными и головными страданиями, и доктора требуют мне временно отказаться от всех умственных занятий. Я должен отдыхать... не менее двух месяцев».

²¹ Там же, д. 48, л. 15. В качестве примера благотворительного вечера хочется указать на документ, содержащийся в этом деле. 19 февраля 1934 г. президенту министров было отправлено письмо с просьбой разрешить приехавшей из Парижа знаменитой русской певице Н. В. Плевицкой дать концерт в пользу учебного заведения. А в д. 44 (л. 9), относящемся к 1931/32 учебному году, можно найти свидетельства о том, что Общество содействия академическому образованию 14 февраля 1932 г. проводило лотерею серебряных вещей от ювелирной фирмы Я. Думича.

²² Там же, д. 13. В этом деле хранятся расписки преподавателей РУК в получении гонорара. Так, к примеру, в октябре 1930 г. приват-доцент М. Д. Вайнтроб, читавший лекции по психологии, за 6 академических часов получил 18 латов; профессор М. Я. Лазерсон, читавший лекции по курсу «Введение в правоведение», за 2 часа получил 6 латов; профессор В. И. Синайский за 4 часа лекций по гражданскому праву получил 24 лата. Необходимо подчеркнуть, что труд профессоров, работавших в Латвийском университете, оплачивался более высоко.

²³ Грузенберг Оскар Осипович (1866—1940) — видный российский юрист, общественный и политический деятель. Родился в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск на Украине), в 1889 г. окончил юридический факультет Киевского университета; поселился в Петербурге; выступая в качестве адвоката, часто спасал от виселицы участников революции 1905—1907 гг. Наибольшую славу ему принесли выступления на «еврейских» процессах, связанных с *кровавым наветом, в частности по блестяще выигранному им делу Бейлиса (Киев, 1913 г.). В 1917 г. был избран во Всероссийское Учредительное собрание, во время Гражданской войны в России возглавлял Еврейский совет самообороны и Совет по оказанию помощи жертвам погромов. С 1921 г. в эмиграции (в Берлине — 1921—1923, Риге — 1926—1932 гг.; последние годы жизни — во Франции). В 1929 г. был инициатором создания Русского юридического общества в Латвии и издания его журнала «Закон и суд» (издавался до 1938 г.) — единственного периодического издания по вопросам права во всем русском зарубежье. В том же году стал представителем евреев Латвии в *Еврейском агентстве. Автор книги воспоминаний «Вчера» (Париж, 1938). — *Ред.*

- ²⁴ Сегодня. 1929. 16 июля.
- ²⁵ ЛГИА, ф. 5901, оп. 1, д. 1. В этом деле подшиты Устав Русского института университетских знаний, утвержденный 4 июля 1930 г., а также Устав Общества содействия академическому образованию, утвержденный в Рижском окружном суде 30 ноября 1929 г.
- ²⁶ ЛГИА, ф. 3724, оп. 1, д. 4217.
- ²⁷ Там же, д. 4, л. 24. На этой странице можно прочитать, что руководство института при непосредственном участии Общества содействия академическому образованию просило просветительную комиссию Сейма выделить в 1931/32 учебном году 6000 латов; 20 августа 1931 г. из Кабинета министров пришло сообщение о выделении 3000 латов.
- ²⁸ Там же, ф. 5901, оп. 1, д. 4, л. 48, 50.
- ²⁹ Там же, д. 3, л. 11. В д. 22 хранятся анкеты и заявления членов Общества содействия академическому образованию. Среди достойнейших имен могу назвать лишь несколько: Блехман Евгений (пианист), барон Бруннов А. С. (страховое общество «Даугава»), Ганфман Максим (газета «Сегодня»), Генкин Григорий (инженер-электрик), Герцфельд Борис (врач), Гоорф Рувин (директор фабрики), Гроссен Генрих (журналист), Давидсон Леопольд (директор Видземской шерстяной мануфактуры), Майкапар Федор (врач), Мильруд Михаил («Сегодня»), Моссаковский Александр (директор Рижской Ломоносовской гимназии), Нюренберг Сергей (страховое общество «Даугава», отец Е. С. Булгаковой), Паварс Александр (юрист), Поляк Борис («Сегодня»), Розенгартен Герман (купец), Харитон Борис («Сегодня»), Целмс Теодор (приват-доцент ЛУ), Ягдфельд Григорий (директор страхового общества «Даугава»).
- ³⁰ Там же, д. 16, л. 43.
- ³¹ Там же, д. 71, л. 10.
- ³² Там же, д. 16, л. 24.
- ³³ См. прим. 00 на с. 00.
- ³⁴ См.: *Stranga A. Ebreji un diktatūras Baltijā (1926—1940). 2. papild. izd. R., 2002. 173. lpp.*
- ³⁵ ЛГИА, ф. 5901, оп. 1, д. 6, л. 8—10.
- ³⁶ Там же, д. 82. В этом деле содержатся копии дипломов, выданных в декабре 1937 г. Среди получивших их: юристы Ашман Георгий, Иванов Сергей, Неймарк Залман, Дауговиш Николай, Лабутинский Анатолий, Чекалов Иосиф, а также девушки, окончившие историко-филологический факультет: Рей Эйжения, Семенова Мария, Егорова Лидия.
- ³⁷ Там же, д. 73, д. 74.
- ³⁸ *Климов Е. Е. Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье. Рига, 1994. С. 36—38.*
- ³⁹ «Туриба» («Достаток») — Центральный союз потребительских обществ Латвии; был основан в 1937 г. с целью содействия сельскому хозяйству в государстве и участию правительства в ценообразовании. В 1940 г. на его базе был создан Латпотребсоюз (Республиканский союз потребительских обществ Латвийской ССР). — *Ред.*
- ⁴⁰ Думается, что выпускникам и студентам филологического факультета Латвийского университета хорошо известен его сын — профессор С. Н. Дауговиш.